

Женские роли на римском театре, исполняемые мужчинами. Иоганн Вольфганг Гёте

Нет такого места на свете, где бы прошлое взывало к приезжему столь непосредственно и столь многообразными голосами, как в Риме. В Риме случайно сохранился один обычай, в других городах почти вовсе исчезнувший.

В старину, во всяком случае в лучшую пору искусства и нравов, ни одна женщина не допускалась на подмостки театров. Пьесы в те времена либо строились так, что в них, худо ли, хорошо ли, можно было обойтись без женщин, либо женские роли исполнялись актером, который приобретал для этого необходимые навыки и сноровку. Обычай этот сохранился в новейшем Риме и во всей остальной церковной области, кроме Болоньи, которой, помимо других привилегий, дарована вольность восторгаться женщинами на подмостках своих театров.

Столько хулы уже излилось на эту римскую традицию, что нам кажется позволительным сказать несколько слов ей в похвалу или хотя бы (чтобы не впасть в излишнюю парадоксальность) привлечь внимание к этому пережитку былых времен.

Об опере здесь говорить не приходится, ибо прекрасный и вкрадчивый голос кастрата, которому женское платье к тому же пристало лучше мужского, легко примиряет со всем, что может показаться неподобающим в этой ряженой фигуре. Речь, собственно, должна идти о трагедийных и комедийных спектаклях, и при этом нужно разобраться, в какой же мере они доставляют нам удовольствие.

Предположим (впрочем, это общая предпосылка для любого спектакля), что пьесы приурочены к характерам и способностям актеров: условие, без которого не может обойтись ни один театр, ни один даже самый способный и многообразный актер.

Современные римляне вообще до страсти любят рядиться на маскарадах в костюме другого пола. Во время карнавала множество юношей, к вящему своему удовольствию, разгуливают в простонародных женских платьях. Кучера и лакеи нередко принимают вид весьма благоприличных женщин, а если они молоды и хорошо сложены, то даже изящных и очаровательных. И напротив, женщины среднего сословия чувствуют себя счастливыми и прелестными в костюме Пульчинеллы, более же знатные — в офицерских мундирах. Шутка, всех нас забавлявшая в детские годы, все еще тешит их неизжитое юношеское сумасбродство. Удивительно, до чего и мужчины и женщины радуются этой видимости перевоплощения и как они стараются присвоить себе привилегию Тиресия.

Точно так же и юноши, посвятившие себя исполнению женских ролей, не щадят сил, чтобы как можно лучше показать себя в своем искусстве. Они ведут точнейшее наблюдение над ужимками, телодвижениями и всей повадкой женщин: подражая им, они, правда, не могут изменить низкий тон своего голоса, но тем более стремятся придать ему гибкость и мягкость; короче говоря, они прилагают все усилия, чтобы отстраниться от своего пола. На любые новости моды они падки не меньше самих женщин; они наряжаются у лучших портных, и примадонны театра по большей части вполне достигают своей цели.

Что касается второстепенных ролей, то они обычно расходятся не так удачно, и нельзя отрицать, что иной Коломбине не всегда полностью удастся скрыть свою синеватую щетину. Но со второстепенными ролями в большинстве театров дело вообще обстоит неважно, и даже в других столицах, где к спектаклю относятся куда более заботливо, нередко приходится слышать горькие сетования на бесталанность третьих и четвертых актеров и на то, как это разрушает иллюзию.

Я шел в римскую комедию не без предвзятого чувства; но вскоре, сам того не замечая, с ней примирился; я ощущал удовольствие, доселе мне неведомое, и видел, что другие его со мной разделяют. Я стал размышлять о причине и, кажется мне, нашел ее в том, что в подобном представлении все время оставалось живое понятие подражания, мысль об искусстве, а умелая игра создавала лишь своего рода осознанную иллюзию.

Мы, немцы, помним, как способный молодой человек на сцене подлинно перевоплощался в стариков, помним и о двойном удовольствии, которое нам доставлял этот актер. Таковую же двойную прелесть имеет и то, что эти действующие лица — не женщины, а только изображают женщин. Юноша благодаря пристальному изучению проник в сущность особенностей и повадок слабого пола; зная их, он, как художник, все это вновь воспроизводит; он играет не самого себя, но третье и совсем ему чуждое лицо. Мы только лучше узнаем женщин благодаря тому, что кто-то наблюдал их, размышлял над ними и теперь нам преподносится не само явление, но его оценка.

И поскольку искусство тем самым разительно отличается от простого подражания, то естественно, что такой спектакль доставляет нам своеобразное удовольствие и мы смотрим сквозь пальцы на различные несовершенства целого.

Само собой разумеется, — впрочем, выше мы уже касались этого, — что пьесы должны соответствовать такого рода спектаклю. Так, например, «Трактирщица» Гольдони не могла не иметь шумного успеха у публики. Молодой человек, игравший хозяйку гостиницы, великолепно передавал все оттенки этой роли: спокойную холодность девушки, поглощенной своим делом, со всеми учтивой, любезной и услужливой, которая, однако, никого не любит, не хочет быть любимой и уж, конечно, не дарит вниманием страстей своих знатных постояльцев; тайное и легкое кокетство, очаровывающее гостей мужского пола; оскорбленную гордость, когда один из них выказывает себя строптивым и нелюбезным; всевозможные тонкие и льстивые уловки, с помощью которых ей удастся завлечь и его, и, наконец, торжество полной победы и над этим упрямым.

Я убежден, да и сам был тому свидетелем, что умелая и умная актриса может превосходно справиться с этой ролью, но последние сцены, исполненные женщиной, всегда нас оскорбляют. Эта неодолимая холодность, упоение местью, надменное злорадство, во всей их неприкрашенной откровенности, возмущают нас, и когда под конец она отдает свою руку работнику, только чтобы иметь в доме мужа-слугу, — пошлая развязка оставляет нас неудовлетворенными. Но в римском театре мы видели не безлюбую холодность, не воплощенное высокомерие, — спектакль только напоминал нам о них. Нам оставалось утешение, что хоть на сей раз это неправда; публика с легким сердцем аплодировала юноше, радовалась, что так хорошо ему известны опасные свойства прекрасного пола и что он, удачно подражая поведению красавиц, как бы отомстил им за все то, что нам доводилось от них вытерпеть.

Итак, я повторяю: здесь мы испытывали удовольствие не от самого происшествя, но от того, что видели подражание ему; не

человеческая природа, но искусство занимали нас, мы рассматривали не индивидуальный случай, но его результат. Этому еще способствовало и то, что внешне актер необычайно походил на женщину из среднего сословия.

И вот Рим среди прочих своих реликвий сохранил для нас еще и этот старинный обычай, пусть несовершенный, пусть не каждому милый, но ведь человеку мыслящему он все же помогает наглядно представить себе былые времена и скорей поверить свидетельству старых писателей, неоднократно уверявших нас, что мужчинам, наряженным в женское платье, удавалось восхищать собою бесспорно одаренный вкусом народ.

